

Наджа Жозеф

41202.

ТЕАТР

Культура - 2002 - 28 нояб. - 4 дек. - с. 7

Встретился клоун с интеллектуалом

Спектакли Жозефа Наджа в Центре Мейерхольда

С.Тьеблемон и Ж.Надж в сцене из спектакля "Время отступления"

Любовный танец мужчины в старомодном костюме и котелке 30-х годов и женщины во вневременном платье ниже колен – платье простой работницы или скромной модистки. Спектакль "Время отступления", привезенный на фестиваль "NET" знаменитой хореографической труппой Жозефа Наджа – одного из самых сложных, необычных мастеров современного театра, – использует традиционный жанр танцевального дуэта, уже немало десятилетий назад покоривший народ портовых ка-

бачков и прочий простой люд. Кажется, такое по сей день можно увидеть вечером в артистическом кафе какого-нибудь средиземноморского городка. Но...

Такое, да не такое. Простой парный танец "на публику", непременный номер кабаре 30 – 40-х, постепенно оброс паутиной времени, а эта самая паутина в свою очередь успела превратиться в стеклянный музейный колпак, и уже в таком – музейном – виде незатейливый народный жанр привлек внимание "мэт-

ров" и вообще людей серьезных. И постановка Жозефа Наджа – это спектакль с большим секретом, в котором простая, да что там – примитивная форма едва не трещит по швам, чуть не лопаются под напором множества эмоциональных оттенков, многозначных символов и сложных танцевально-поэтических фигур, но никогда – и в этом чудо большого искусства – не выходит из своих скромных берегов, оставаясь любовным танцем двоих, исполненным на сцене простонародного кабаре.

Можно по-разному толковать часовое танцевальное и пантомимическое представление, в котором мужчина и женщина и исполняют страстное танго любви, и страдают в разлуке, и выясняют отношения, едва не дерутся, причем мужчина в ярости разбивает фонарь... а вместо лампочки там чучело птицы – воспоминание об ушедшем счастье или образ внезапно открывшейся тайны. Жозеф Надж и Сесиль Тьеблемон танцуют свои партии с такой органичной легкостью, что сами кажутся птицами. Впрочем, все-таки танцем-то в обычном понимании это назвать нельзя: ведь в спектакле – за исключением старой парижской песни о любовниках с улицы Сен-Жан (ее хрипловато и негромко напеваает тоскующая героиня Сесиль Тьеблемон, наигрывая себе на аккордеоне) – музыки нет вовсе. Есть только перкуссия, которую исполняет Владимир Тарасов, сидящий здесь же, на сцене справа, и виртуозно подыгрывающий эмоциям, которые обуревают влюбленную пару. Мужчина, Женщина и звуки барабана, то затихающие, то громкие и угрожающие, как ружейная пальба или строевой шаг, – при всей суперсовременной изощренности театрального языка в такой режиссуре есть поиск чего-то уж совсем архаического, что-то от праязыка, на котором изъяснялись, не прибегая к речи, шаманы. Да ведь режиссура Наджа сродни шаманству – ему тоже необходимо уместить сложное содержание в простейшую форму...

И совсем в иной эстетике сделан второй спектакль, показанный театром Наджа в Москве, – "Войцек" по пьесе Георга Бюхнера. Драматургический материал не выходит из моды вот уже много десятилетий – XX век, век мировых войн, революционного насилия и борьбы за гражданские права, проявил понятный интерес к старой немецкой драме из солдатской жизни, написанной создателем "Общества прав человека": Но, кажется, впервые история несчастного, бесправного солдата, ставшего убийцей любимой женщины и самоубийцей, грязный солдатский быт со всем его натурализмом и почти звериные характеры героев пьесы стали предметом утонченного искусства трагической пантомимы. Военный парикмахер Войцек, его невеста Мария, его начальник – толстый капитан с устрашающе квадратным туловищем, соблазнитель-барабанщик и другие герои многословной и

надрывной пьесы Бюхнера превращены в образы, словно сошедшие с полотна Мунка. Жанр пантомимы позволяет потрясти зрителя одним движением губ. И вот рты героев то и дело застывают то в кривой улыбке, то в растянутом крике. Жанр пантомимы позволяет и шокирующий натурализм. Войцек мочится, отвернувшись к заднику, и над залом проносится долгий, страшноватый, скрежещущий какой-то звук. Доведенный до отчаяния, распоров себе живот ножом (кстати, тоже отступление от Бюхнера – у него герой, зарезав ножом Марию, в припадке безумия бросается в пруд) в финале, Войцек аккуратно вырезает из раны кусочек своего мяса и, нанизав на острие, изящным танцевальным движением предлагает своим мучителям, а когда те в ужасе отказываются, с аппетитом проглатывает сам. Усиление грязной, кровавой стороны драмы, педалирование темы безнадежной грубости и убогости жизни уравнивается прекрасной музыкой Альбана Раца, в которой пронзительные и печальные еврейские мотивы соседствуют с имитацией простуженной уличной шарманки и реминисценциями из классики. Музыка опозитивировала происходящее на сцене так тонко, что контрапункт в конце концерта рождает у зрителя сложное ощущение острой жалости, почти любви к персонажам – невзирая на признание самого Наджа, процитированное в программке: "Я не испытываю к главному герою пьесы Бюхнера ни ненависти, ни любви, ни симпатии. Лишь желание его понять. Войцек убивает потому, что он запрограммирован на убийство. Он запрограммирован на то, чтобы сойти с ума. Но он хочет этого избежать. Мне хотелось сказать о тех пространствах свободы, которые он пробовал открыть. Я копаюсь в психике..." Вот такую интеллектуальную трактовку старой пьесы свободолюбца Бюхнера, привлечшей так много крупных мастеров, предлагает нам Жозеф Надж. Интеллектуальную – в жанре пантомимы? Да, и при этом в сверхсовременной, непривычной, сложной режиссуре. Театр Наджа – трагическая клоунада, сыгранная на языке, которым говорят дети, влюбленные, шаманы и страдалцы.

Дмитрий САВОСИН
Фото Виктора СЕНЦОВА